

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.1.5-22

УДК 330.34:330.8:338.2(470+571)

JEL: B52, Z10, Z19, O40

В. В. ВОЛЬЧИК¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

ИДЕИ, СИМВОЛЫ И НАРРАТИВЫ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Вольчик Вячеслав Витальевич, профессор, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета, Южный федеральный университет

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/K-7832-2012>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2539-2890, AuthorID: 75363

Аннотация

Цель: рассмотрение важности изучения влияния идей и идеологии на экономическое развитие. На основании концепции трех фундаментальных условий и двух предпосылок, необходимых для современного инновационного развития экономики, предложены идеи, которые могут быть востребованы для их реализации.

Методы: в статье используются исторические и качественные методы для анализа и гипотетической реконструкции влияния идей на экономическое развитие. Применяются подходы нарративной экономики к исследованию обоснования экономической политики.

Результаты: показано, что в современных условиях широко распространенные в обществе нарративы значимы для продвижения идей относительно реформирования экономики. Нарративы представляют собой эволюционно сложившийся способ упаковки идей и трансляции их в обществе. Для продвижения действенных нарративов они должны согласовываться с историческим опытом, а также ассоциироваться со значимыми историческими фигурами. В работе рассматривается парадоксальная, на первый взгляд, гипотеза, что в современных условиях ленинское наследие может служить основой для продвижения прогрессивных идей. Такие идеи, прежде всего, связаны с модернизацией экономики и общественных отношений, основанных на технологических инновациях, развитием предпринимательства и рыночных механизмов, а также развитием образования и науки.

Научная новизна: заключается в применении синтеза методологии институциональной и нарративной экономики к исследованию распространения идей и связанных с ними нарративов и их влияния на экономическое развитие.

Практическая значимость: положения и выводы статьи могут использоваться для дальнейшего анализа влияния идей и идеологии на проведение экономической политики и институциональные изменения, направленные на модернизацию экономики.

Ключевые слова: нарративная экономика, институциональная экономика, российская история, идеи, идеология, экономическое развитие

© Вольчик В. В., 2023

© Volchik V. V., 2023

Благодарность: автор благодарен Виталию Леонидовичу Тамбовцеву за ценные идеи и замечания при обсуждении положений статьи на семинарах научного общества «Ростовская университетская экономическая инициатива».

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562, <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики» в Южном федеральном университете.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Вольчик В. В. Идеи, символы и нарративы для экономического развития России // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 1. С. 5–22. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.1.5-22

The scientific article

V. V. VOLCHIK¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

IDEAS, SYMBOLS AND NARRATIVES FOR THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

Vyacheslav V. Volchik, Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/K-7832-2012>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2539-2890, AuthorID: 75363

Abstract

Objective: to consider the importance of studying the influence of ideas and ideology on economic development. Based on the concept of three fundamental conditions and two prerequisites necessary for the modern innovative development of the economy, the ideas are proposed that may be in demand for their implementation.

Methods: the article uses historical and qualitative methods to analyze and hypothetically reconstruct the influence of ideas on economic development. The approaches of narrative economics are applied to the study of the economic policy justification.

Results: it is shown that, under modern conditions, narratives widely spread in society are significant for promoting ideas regarding economic reform. Narratives are an evolutionarily established way of packaging ideas and broadcasting them in the society. To promote effective narratives, they must be consistent with historical experience, as well as associated with significant historical figures. The paper considers the seemingly paradoxical hypothesis that in modern conditions Lenin's legacy can serve as a basis for the promotion of progressive ideas. Such ideas are primarily related to the modernization of the economy and social relations based on technological innovations, the development of entrepreneurship and market mechanisms, as well as the development of education and science.

Scientific novelty: it consists in the application of the synthesis of institutional and narrative economics methodology to the study of the dissemination of ideas and related narratives and their impact on economic development.

Practical significance: the provisions and conclusions of the article can be used for further analysis of the influence of ideas and ideology on the implementation of economic policy and institutional changes aimed at economy modernization.

Keywords: Narrative economy, Institutional economy, Russian history, Ideas, Ideology, Economic development

Acknowledgement: the author is grateful to Vitaliy Leonidovich Tambovtsev for valuable ideas and comments when discussing the article provisions at the seminars of "Rostov University Economic Initiative" scientific society.

Funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Fund No. 21-18-00562, <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> / “Development of the Russian innovation system in the context of narrative economics” at Southern Federal University.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volchik, V. V. (2023). Ideas, symbols and narratives for the economic development of Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(1), 5–22. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.1.5-22

Введение

В сложные времена возрастает потребность в идеологическом обосновании социальной и экономической политики. Возникает множество проектов и версий, как в новых условиях должна развиваться экономика и на какие социальные ценности должно опираться такое развитие.

В данной статье применяется подход нарративной экономики к исследованию вопроса об идеологическом обосновании проводимой социально-экономической политики. Предлагается гипотеза (тезис) о том, что создание идеологических и ценностных нарративов, связанных с именем Владимира Ильича Ленина, может способствовать поиску и обоснованию мер прогрессивной экономической политики.

Нарративная экономика в данной статье используется как новое перспективное течение в экономической науке, позволяющее акцентировать внимание на роли идей в организации и осуществлении социальных взаимодействий [1, 2]. Идеи, которые «упакованы» в нарративы, приобретают значительную силу, когда становятся вирусными [3]. Наряду с «упаковкой» для распространения идей имеет решающее значение, связывает ли актор, подвергшийся влиянию нарратива, содержащуюся в нем идею с пользой для себя [4]. Идеи могут соответствовать «объективной реальности», но также они могут нести намеренные искажения для поощрения определенных видов деятельности и экономического поведения [5]. Поэтому важно рассматривать идеи и нарративы через призму их влияния на социальные и экономические процессы в контексте существующих институтов, социальных ценностей и культуры.

В экономической науке о власти идей лучше всего сказал Дж. М. Кейнс: «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди-практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» [6. С. 340]. В современном мире, где огромные потоки информации обрушиваются на каждого индивида, большое значение приобретает форма «упаковки» идей и возможности государства и других влиятельных групп интересов такие идеи продвигать.

Нарративы являются очень хорошим способом «упаковки» и продвижения идей в современном информационном обществе. Но для продвижения прогрессивных идей нарративам и идеям мало быть истинными. По этому поводу Роберт Шиллер пишет: «Для того чтобы пресечь ложные нарративы, недостаточно одной лишь истины. Истина становится значима, лишь только если она очевидна» [7. С. 103]. Продвижение идей через нарративы также должно быть связано с одновременно очевидными и прогрессивными истинами. Поэтому необходимо вначале определиться, какие идеи или постулаты связаны с развитием современной экономики.

Таким образом, целью данной статьи является рассмотрение важности изучения влияния идей и идеологии на экономическое развитие. Данная цель требует последовательного решения следующих задач: дать характеристики условиям и двум предпосылкам для современного инновационного развития экономики; анализ концептуальных положений взаимосвязи нарративов, идей и идеологии и их влияние на проведение экономической политики; выявление прогрессивных идей из ленинского наследия, связанных с современными вызовами для экономического развития России.

Три условия и две предпосылки инновационного развития экономики

Современное экономическое развитие немыслимо без использования различного рода инноваций, от технологических до социальных. Поэтому, говоря о комплексном развитии экономики, обеспечивающем рост благосостояния населения, мы будем иметь в виду именно развитие, основанное на создании и использовании инноваций.

В предыдущей работе [8] мы выделили три фундаментальных условия и две предпосылки инновационного развития экономики. Если не соблюдается хотя бы одно из трех условий, механизмы инновационного развития в экономике не запускаются или деградируют. Предпосылки имеют подчиненную по отношению к условиям природу и служат залогом их выполнения. Три фундаментальных условия следующие: экономическая и политическая устойчивость (стабильность); предпринимательская инициатива; возрастающая отдача. Для реализации условия предпринимательской инициативы необходима предпосылка – развитая рыночная инфраструктура. Для реализации условия, связанного с механизмами возрастающей отдачи, необходима развитая сфера образования и науки.

Все три фундаментальных условия так или иначе относятся не только к экономике, но и к другим сферам жизни общества. Первое условие – политическая и экономическая устойчивость (стабильность) – непосредственно связано с отношениями власти и организацией государственного управления. Долгое время считалось, что рыночная экономика может раскрыть свой потенциал эффективного распределения и использования ресурсов только в сочетании с институтами и механизмами либеральной демократии западного типа. Самое большое влияние на формирование такой концепции оказали работы представителей австрийской школы [9–12], которых впоследствии стали считать родоначальниками неолиберальной доктрины [13].

Постепенно сложилась теоретическая рамка, которую можно упрощенно описать следующей схемой: «открытое общество» формируется и существует вместе с рыночной экономикой, а «закрытое общество» функционирует в режиме с плановой экономикой. Безусловно, это очень упрощенный подход к объяснению существования различных хозяйственных порядков. Важным аспектом здесь является фактор стабильности. Именно такие пары политического и экономического устройства относительно стабильны. Необходимо отметить, что природа стабильности порядков открытого доступа и естественного государства различна. В значительной степени устойчивость естественного государства подкрепляется внешними источниками доходов. Возможно, эволюция современных естественных государств приведет к появлению еще одной формы социального порядка, где естественным государствам удастся создать эндогенные механизмы развития предпринимательства в иных институциональных условиях, отличных от порядков открытого доступа. Также возможны и другие процессы, например, связанные с эволюцией (деволюцией) порядков открытого доступа к новым формам.

В книге «Узкий коридор» Д. Аджемоглу и Д. Робинсона изложен интересный взгляд на решение проблемы стабильности в развитии хозяйственных порядков за более чем двухтысячелетнюю историю [14]. Авторы предлагают очень простую схему эволюции социальных порядков, которая связана с тремя идеальными типами государств-левиафанов: обузданным, деспотическим и отсутствующим. Эффективность современных либеральных демократий в концепции «узкого коридора» связывается с обузданным левиафаном, когда удается найти компромисс между силой государства и силой общества. В книге приводится множество исторических примеров эволюции различных типов государств. Однако авторы не дают удовлетворительного ответа на вопрос, почему государства «обузданного левиафана» составляют значительное меньшинство. Также остается без удовлетворительного ответа другой вопрос: почему так стабильны часто менее эффективные государства «деспотического левиафана» и «отсутствующего левиафана». Стабильность государств «деспотического левиафана» имеет различную природу и зависит от многих факторов: от особенностей эволюции групп специальных интересов до возможностей создания институциональных механизмов авторегуляции.

Похожий подход к объяснению эволюции хозяйственных порядков представлен во влиятельной книге Д. Норта с соавторами «Насилие и социальные порядки» [15]. Их подход анализирует эволюцию социальных порядков от естественного государства к порядку открытого доступа. Концепты естественного государства

и порядка открытого доступа разработаны Д. Нормом, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом в уже названной книге [15]. Само естественное государство проходит в своей эволюции три этапа: хрупкого, базисного и зрелого. Согласно концепции Д. Норта и соавторов, в современном мире существуют две основные формы социальных порядков: зрелое естественное государство и порядок открытого доступа. Причем подавляющее большинство населения планеты проживает в зрелых естественных государствах. Зрелые естественные государства и порядки открытого доступа неравнозначны по своей экономической эффективности, и только порядки открытого доступа могут обеспечивать социальную и экономическую устойчивость (стабильность) в долгосрочной перспективе. Зрелые естественные государства могут эволюционировать в сторону порядков открытого доступа, а также создавать специфические стабильные формы, например, как современный китайский социальный порядок.

Исторический опыт последних десятилетий показал, что функционирование и развитие современной рыночной экономики возможно не только при политической системе либеральной демократии. В Китае за больше чем тридцатилетие реформ удалось построить конкурентоспособную рыночную (в китайской фразеологии – социалистическую рыночную) экономику при политической системе, которую правильней называть порядком демократического централизма по названию ст. 3 Конституции КНР: «Государственные органы Китайской Народной Республики осуществляют принцип демократического централизма» [16].

Вторым фундаментальным условием инновационного развития экономики является предпринимательская инициатива. Это условие реализуется при выполнении предпосылки создания развитой экономической (рыночной) инфраструктуры. Осуществление предпринимательской инициативы не означает, что нивелируется роль государства в экономике. Но опыт СССР и других социалистических стран показал, что угнетение или запрет предпринимательства приводит к значительному снижению возможностей экономического развития как в плане создания новых технологий, продуктов и производств, так и в плане обеспечения населения необходимым разнообразием потребительских благ. Опыт реформ Китая здесь тоже значим. Например, в программных документах КПК подчеркивается, что развитие рыночных институтов является очень важной задачей: «Формировать единый всекитайский рынок, в соответствии с рыночными принципами углублять реформу в области факторов производства, создавать рыночную систему высокого стандарта. Совершенствовать базовые институты рыночной экономики в области защиты прав собственности, доступа на рынок, справедливой конкуренции, социального кредита и других, улучшать бизнес-среду» [17].

Третьим фундаментальным условием является возрастающая отдача. «Под возрастающей отдачей понимается класс социальных (экономических) взаимодействий с положительной обратной связью, позволяющих получать преимущества от расширения масштаба деятельности» [18. С. 90]. В современной экономике отрасли и предприятия, характеризующиеся преимущественно возрастающей отдачей, являются проводниками новых технологий и инновационных продуктов и решений. Поэтому возрастающая отдача и инновации являются сторонами одной медали современного развития экономики. Реализация принципа возрастающей отдачи связана со второй предпосылкой – развитием образования и науки. Именно образование и наука создают фундамент как человеческого капитала, так и нового знания, реализующегося в технологиях, необходимых для современных производств.

Реализация этих трех фундаментальных условий и двух предпосылок позволяет запустить механизмы развития современной инновационной экономики. И здесь очень важной представляется роль идей и идеологии для создания широкого консенсуса в ходе реализации политики, позволяющего поддерживать выполнение трех фундаментальных условий.

Идеи, нарративы и идеология

Как уже отмечалось, для проведения экономической политики очень большое значение имеет господствующая в обществе идеология. Говоря об идеологии, мы опираемся на определение Д. Норта: «Под идеологией я понимаю субъективное восприятие (модели, теории), которым располагают все люди для того, чтобы объяснить окружающий мир. Будь то на микроуровне индивидуальных взаимоотношений или на макроуровне

организованных идеологий, дающих целостное объяснение прошлого и настоящего, таких как коммунизм или религии, – в любом случае теории, создаваемые отдельными людьми, окрашены нормативными представлениями о том, как должен быть организован мир» [19. С. 41].

Сама экономическая наука, как, впрочем, и все социальные науки, очевидно, сильно подвержена идеологическому влиянию. Даже если исключить нормативные суждения и сконцентрироваться только на позитивном анализе экономических процессов, влияние идеологии может проявляться через принятие тех или иных априорных гипотез. В учебниках по экономической теории любят подчеркивать ее позитивный характер и то, что с помощью нее можно познать фундаментальные законы экономического выбора. Однако на деле любые экономические теории чаще всего в имплицитной форме содержат идеологические установки. И в этом нет ничего плохого, так как идеологичность экономической науки нужно воспринимать как факт. Поэтому нормативные, ценностные и идеологические установки, которые акторы считают релевантными, также подвергаются исследованию. И теория, и методология таких исследований в экономической науке лучше всего развиты в институциональной экономике и новом научном направлении – нарративной экономике.

В экономической социологии выделяют четыре самых значимых хозяйственных идеологии: демократическую, консервативную, либеральную и социалистическую [20. С. 433]. Однако в современных условиях некоторые хозяйственные порядки могут представлять собой гибридные формы, где, например, социалистическая идеология может сочетаться с развитыми рыночными механизмами и институтами.

Исследование роли идеологии и идей в экономической науке в последние годы становится все более востребованным, в частности здесь очень полезны методы и подходы нарративной экономики. Нарративная экономика как новое направление экономической теории развивается с 2016 г. Само название направления было предложено в одноименной программной статье Робертом Шиллером в 2017 г. [21], хотя годом раньше вышла статья Дж. Акерлофа и Д. Сноуера «Хлеб и пули» [22], в которой была детально обоснована важность изучения нарративов для понимания сложных экономических процессов. За прошедшие после выхода этих статей годы нарративная экономика поступательно развивалась как в плане совершенствования методологии, так и в расширении предмета и объектов исследований [2].

Нарративы очень широко трактуются в рамках нарративной экономики, и их определения носят скорее операциональный характер. Например, Роберт Шиллер дает следующее определение: «Термином „нарратив“ я обозначаю просто историю или просто выраженное объяснение событий, которые многие люди хотят затронуть в разговоре, или в новостях, или в социальных медиа, потому что они (нарративы) могут использоваться для стимулирования заинтересованности или эмоций других людей, и/или потому, что, как представляется, они развивают личный интерес. Чтобы выполнять стимулирующую функцию, обычно на него направлен интерес человека, прямой или подразумеваемый. Я (и многие другие) вкладывают в этот термин такой смысл, что нарратив видится как драгоценный камень разговора и может принимать форму необычной или героической истории или даже шутки» [21. С. 968]. Еще более простое определение мы находим у Дж. Акерлофа и Д. Сноуера: «...„нарратив“ как последовательность причинно-связанных событий и лежащих в их основе источников, разворачивающихся во времени, которые можно использовать в качестве шаблона для интерпретации нашего текущего опыта» [22. С. 58].

Нарративы представляют собой эволюционно сложившийся способ упаковки идей и трансляции их в обществе: «Человек склонен мыслить нарративами – цельными цепочками событий, имеющими внутреннюю логику и динамику. Наши действия определяются историей нашей жизни, которую мы рассказываем сами себе» [23].

Нарратив как шаблон поведения может получать очень широкое распространение, становясь вирусным. Более того, нарративы могут принимать еще более сжатую форму и выступать в виде мемов. Роберт Шиллер в своей пионерной статье впервые сравнил нарративы с мемами в контексте их вирусного распространения в обществе как интернет-мемов [21. С. 978]. Мемы в социальных науках обычно рассматриваются как единицы культурной информации или имитации [24, 25], распространяющиеся по аналогии с генами. Также мемы рассматриваются Дэниелом Деннетом как «информационные вирусы, которые управляют нашими привыч-

ками» [26. С. 217]. Продолжая биологические аналогии: против вирусов всегда формируется иммунитет или контрнарративы. Поэтому успех распространения того или иного нарратива зависит от удачного совпадения многих факторов, и одним из важнейших является комплементарность идей, содержащихся в нарративах, экономическим интересам акторов.

Нарративы и мемы несут в себе сжатую информацию об идеях, правилах и привычках, значимых в определенных исторических и социальных контекстах. В новых исторических условиях мемы также изменяются, но их возможность транслировать пусть и видоизмененные идеи прошлого сохраняется. Важно понимать, как в мемах и нарративах сочетаются современные и прошлые идеи и институционализированные поведенческие паттерны.

Влияние идей на экономическое поведение и политику огромно, но также, кроме идей, необходимо учитывать экономические интересы [4, 27]. И здесь возникает нетривиальный вопрос: насколько поведение акторов зависит от экономических интересов, а насколько – от идей. Идеи можно рассматривать как причинные убеждения относительно причин и результатов на основе разделяемого консенсуса признаваемых элит [4. С. 28]. Поэтому идеи можно считать релевантными для разработки и изменения экономической политики.

Безусловно, влияние экономических интересов на экономический выбор существенно. Однако в мейнстримовском варианте экономической теории по умолчанию предполагается, что акторы могут осуществлять рациональный выбор. И даже если рациональность акторов ограничена [28, 29], они все равно пытаются осуществлять максимизацию полезности. Но в современной нейронауке взаимодействие индивида с окружающей средой рассматривается через призму опыта и существующих на основе этого опыта своеобразных «фильтров». Таким образом, рассматривая индивида, оценивающего объективно существующие условия выбора, мы должны учитывать фактор прошлого опыта: «Индивидуум в его субъективном мире не отражает окружающую среду; он отражает его взаимодействия с окружающей средой на основе его целей, намерений, прошлого опыта, предыдущих успехов и потерь и т. д.» [30. С. 397]. И вот здесь становится значимой роль идей и нарративов как способа их распространения. Посредством укорененных в нашем сознании идей мы взаимодействуем с окружающим миром и воспринимаем социальную действительность сквозь фильтр релевантных этой действительности мыслительных гипотез. Через нарративы транслируются значимые для акторов объяснительные протомодели, а также специфические социальные контексты, которые соотносятся с историческими и культурными особенностями социальных порядков и конкретных взаимодействий между людьми. Распространение нарративов в обществе связано с социальным конструированием реальности в традиции Бергера и Лукмана [31]. И здесь важным является то, что через нарративы эволюционно формируются мыслительные гипотезы, которые используют акторы в своем взаимодействии с социальной реальностью. Такие наборы мыслительных гипотез могут быть очень устойчивы и связаны с ментальностью и институциональными матрицами [32].

Практическое использование идеологии для обоснования экономической политики происходит часто, но в подавляющем количестве случаев в неявной форме. В экономическом мейнстриме постулируется тезис о преимущественно позитивном подходе в экономических теориях [33]. Безусловно, в новейших политико-экономических работах проблема идеологического обоснования проводимой государственной политики все чаще попадает в фокус исследований. Также в рамках различных экономических, политологических и иных институционализмов проблема эволюции и влияния идеологий на развитие социальных порядков все чаще включается в исследовательскую повестку.

В современной политической науке получил распространение дискурсивный институционализм, в рамках которого институты и институциональные изменения исследуются через призму конструктивистских концептов. Институты, согласно данной концепции, рассматриваются через призму идей и как они передаются посредством дискурса [34. С. 51]. Институциональные изменения в рамках данного течения рассматриваются через интерактивную сторону дискурса. Поэтому ключевым моментом для исследований является то, как идеи генерируются и как они распространяются в обществе посредством дискурса [34. С. 55]. Данный подход не дает удовлетворительного ответа на вопрос, почему одни идеи распространяются, а другие нет,

но позволяет сделать акцент на важности исследований общественного дискурса в рамках политического институционализма.

Опыт и связанные с ним паттерны, через которые индивиды взаимодействуют и, следовательно, воспринимают окружающий мир, могут формироваться эволюционно, а могут навязываться. В современном цифровом мире возможности влияния на формирование поведенческих паттернов стали беспрецедентно большими. Различные идеи и идеологические установки могут в имплицитном виде распространяться через, например, социальные сети, тем самым значительно влияя на восприятие действительности акторами. Более того, такое влияние может распространяться на идеи, которые впоследствии реализуются в мерах экономической политики.

Важность формирования мыслительных паттернов как релевантных социальной реальности, так и фейковых определяется тем, что именно от них зависит наш процесс мышления. Как отмечал Д. Норт: «Распознавание паттернов, а не абстрактное логическое мышление лежит в основании способа функционирования нейронных сетей человека» [35. С. 47]. Свое утверждение Д. Норт выводит из концептов, используемых в когнитивных исследованиях: «Мышление протекает в рамках синтезированных паттернов, а не логики, и поэтому в своем действии оно всегда может выходить за пределы синтаксических или механических ограничений» [36. С. 152].

Также надо учитывать, что новые идеи и мыслительные паттерны должны соотноситься с нашим опытом. В противном случае некомплементарные новые идеи могут игнорироваться или восприниматься искаженно: «В действительности наши способности строить умозаключения намного ниже, чем способности понимать проблемы и видеть их решения. Мы хорошо понимаем и решаем проблемы, которые в своих существенных чертах напоминают события, уже имевшие место в нашем опыте. Идеи, чуждые нормам, принятым в нашей культуре, не могут легко восприниматься нами. Идеи принимаются, когда и если они имеют некоторое сцепление с нормами, которыми мы уже обладаем. Подгонка паттернов является тем способом, при помощи которого мы воспринимаем, запоминаем и осмысливаем. Это ключ к нашей способности обобщать и использовать аналогии. Эта способность позволяет нам не только хорошо моделировать «реальность», но и конструировать теории, сталкиваясь с подлинной неопределенностью» [35. С. 48].

Таким образом, если мы хотим продвигать идеи об экономическом развитии, они должны быть комплементарны исторически сформировавшимся нормам и социальному опыту большинства акторов того или иного хозяйственного порядка.

Распространение идей может быть сопряжено с возрастающей отдачей в плане, что индивиды явно или неявно получают преимущества от следования тем или иным идеологическим установкам. Но также возрастающая отдача в распространении идей сопряжена с зависимостью от предшествующей траектории развития. Эффект колеи или зависимость от предшествующей траектории развития (*path dependence*) обычно объясняет, почему относительно неэффективные (субоптимальные) технологии или институты (социальные практики) могут устойчиво существовать и функционировать [19, 37, 38]. В российской экономической науке концепция зависимости от предшествующей траектории развития сложилась в рамках теории институциональных ловушек [39–41]. Поэтому с помощью концептов эффекта колеи или институциональных ловушек можно объяснить устойчивость идеологических установок, ранее по разным причинам завоевавших умы широких масс населения. Изменения их происходят чрезвычайно медленно, и при таких изменениях очень важным представляется фактор преемственности. Поэтому при продвижении новых идеологических установок очень важно выделять те, которые могут в современных условиях способствовать прогрессу и поступательному экономическому развитию.

Важнейшим вопросом для продвижения идеологий является вопрос о том, как привлечь внимание масс. Современные социальные сети и медиа преуспели в манипулировании общественным мнением на основе собираемых больших данных.

Господство цифровых технологий в создании и продвижении медиаконтента приводит к беспрецедентному росту разнообразия источников информации: от развлекательной до идеологической и научной. Периодически возникают исследования, в которых приводятся все новые и новые данные о том, во сколько раз и за сколько

месяцев увеличивается объем информации. Такое положение дел стало заметно уже довольно давно и получило название «информационного взрыва». В таких условиях «индивид все более чувствует себя калекой, неспособным полноценно соотноситься с окружающей информационной средой. Это особого рода увечье, когда человек лишается не внешних, а внутренних органов: зрение и слух принимают на себя чудовищную нагрузку, которую не выдерживают мозг и сердце» [42. С. 218].

Поэтому анализ информации индивидом перетекает из качественной в количественную форму. Нам, современным потребителям информации, просто физически не хватает времени на понимание и осмысление потока качественных данных. Поэтому мы попадаем в своеобразную «ловушку контент-анализа», в которой легче всего воспринимаем хорошо упакованные идеи, контексты и социальные и культурные факты, связанные с легко узнаваемыми маркерами. В идеале такие упакованные и сжатые (в смысле уменьшения объема) идеи сопоставимы с мемами или отдельными словами или составными лексемами.

Большие по объему информационные единицы «упаковываются» в нарративы, непосредственно связанные с меньшими единицами – мемами и лексемами. Неслучайно родоначальник нарративной экономики Роберт Шиллер демонстрирует распространение нарративов через анализ частотности распространения вирусных слов или словосочетаний, связанных так или иначе с нарративами, влияющими на экономическое поведение [7].

Поэтому, создавая новые идеи или модернизируя идеологии, необходимо учитывать, что ресурс их продвижения в социальной среде зависит от их возможностей стать впоследствии вирусными. Для этого идеи должны ассоциироваться с простыми, понятными и известными мемами, нарративами и мифами.

Институты, поведенческие паттерны, как и нарративы, могут формироваться в результате долгих эволюционных процессов, но также они создаются намеренно при осуществлении внешнего вмешательства в те или иные повторяющиеся социальные взаимодействия. Намеренное создание нарративов или даже мемов постепенно сращивается с бизнесом, связанным со сбором и использованием больших данных о поведении людей. Развитие социальных сетей привело к тому, что подобный бизнес, основанный на сборе и продаже больших данных, привел к формированию особого типа социального порядка, который Ш. Зубофф назвала «надзорным капитализмом» [43].

Однако надзорный капитализм имеет более глубокие корни. Безусловно, его возникновение и развитие связано с технологиями как физическими, так и социальными. Но, кроме технологического фактора, необходимо рассматривать фактор трансформации современного государства в плане изменений в механизмах реализации демократии.

Возникновение и развитие надзорного капитализма подрывает механизмы либеральной демократии. Либеральные демократии или порядки открытого доступа [15] эффективно функционируют только в очень ограниченном количестве стран, и надзорный капитализм подрывает фундаментальные основы таких социальных порядков. Дуглас Норт и соавторы связывают эффективную рыночную экономику с функционированием порядка открытого доступа. В таком социальном порядке важнейшую роль играют доверие и институты, позволяющие свободно создавать ассоциации и осуществлять обезличенные обмены и другие социальные взаимодействия с низкими транзакционными издержками. Надзорный капитализм подрывает, прежде всего, доверие, как личное, так и институциональное. Признаки и механизмы надзорного капитализма возникли по историческим меркам совсем недавно и насчитывают всего несколько десятилетий, но если цифровые технологии будут развиваться сопоставимыми темпами и в будущем, то надзорный капитализм – это всерьез и надолго.

В условиях информационного взрыва любая идеология может эффективно распространяться в обществе, если она сведена к довольно простым и понятным тезисам. Не зря в своем «каноне» нарративной экономики, состоящем из семи тезисов, Р. Шиллер поставил под пятым номером утверждение: «Для того чтобы пресечь ложные нарративы, недостаточно одной лишь истины. Истина становится значима, лишь только если она очевидна» [7].

Поэтому для продвижения нарративов, связанных с той или иной персоной, в общественном дискурсе необходимо формулировать простые и очевидные тезисы. Безусловно, такие тезисы должны соотноситься

с работами и исторически достоверными фактами. И здесь надо учитывать, что в современных условиях очень сложно провести демаркацию между историческими фактами и мифами, которые создаются в общественном дискурсе. Чем более известна персона, тем сложнее провести такую демаркацию.

Для современного мира социальных сетей и избытка информации очень важным является само внимание аудитории. Более того, передача культурной и, скорее всего, идеологической информации может также осуществляться без понимания [26]. То есть люди могут транслировать идеологические установки, только частично понимая, какое влияние они оказывают на экономическое развитие. Поэтому создание понятных, простых для восприятия и значимых нарративов имеет первостепенное значение для продвижения той или иной идеологии.

Как уже отмечалось, идеи могут распространяться, как вирусы, – очень стремительно, охватывая за короткие промежутки времени огромные массы населения. И если идеи «упаковываются» в хорошие нарративы и соответствуют экономическим интересам акторов, то их действенность может усиливаться. Но влияние идеологий на развитие хозяйственного порядка зависит от того, какие принципы и концепты лежат в ее основе.

На фоне развала социалистического блока и перехода бывших социалистических стран к рыночной экономике активно продвигалась точка зрения, что теперь идеология будет не нужна и граждане станут свободны от идеологической «промывки мозгов». Однако все было не так просто. Роль идеологии как центрального термина в политических дебатах упала со второй половины 80-х гг. XX в. [44]. Однако через очень короткое время с победным шествием социальных сетей идеология получила новые социальные формы и новые смыслы.

Фактически с развалом Советского Союза и социалистического лагеря началось триумфальное шествие идей неоллиберализма. В настоящее время существует довольно много трактовок того, что можно называть неоллиберальной политической и экономической повесткой. Некоторые ученые даже заявляют, что неоллиберализм никогда не существовал и был выдуман социалистами для атаки на рыночное справедливое общество [45]. Не вдаваясь в споры, существует или нет неоллиберализм, можно просто зафиксировать факт, что о явлении, которое в научном дискурсе получило название «неоллиберализм», ведется множество научных дискуссий. Например, в базе *Scopus* по запросу *TITLE-ABS-KEY (neoliberalism)* найдено 21 872 результата в опубликованных статьях и книгах за 1960–2022 гг.¹

Неоллиберальная идеология имеет очень мало общего с классическим либерализмом XIX – начала XX в. Фактически неоллиберализм возник как реакция на социалистический эксперимент. Принципы либерализма просты: наибольшей эффективностью обладает рыночная система, либеральная демократия является залогом существования рыночной экономики, необходимо как можно шире внедрять рыночные механизмы и квазирынки, расходы государства необходимо сокращать (прежде всего, за счет свертывания различного рода социальных программ). Причем в рамках неоллиберализма возникли такие неоднозначные явления, как менеджеризм и рост бюрократизма, которые Д. Грэбер метко назвал железным законом либерализма: «Железный закон либерализма гласит, что всякая рыночная реформа, всякое правительственное вмешательство с целью уменьшить бюрократизм и стимулировать рыночные силы в конечном итоге приводят к увеличению общего объема регулирования, общего количества бумажной волокиты и общего числа бюрократов, которых привлекает на службу правительство» [46]. Продвижение неоллиберальной идеологии осуществлялось как через университетские курсы социальных наук, так и через общественный дискурс.

В постсоветской России неоллиберальная идеология распространилась молниеносно в начале 1990-х гг. Нельзя отрицать, что определенное положительное влияние на экономику неоллиберальная идеология оказывала хотя бы в плане привлечения внимания к проблеме формирования институтов рыночной экономики. Но проблема заключалась в том, что качество рыночных институтов, и прежде всего связанных с собственностью и конкуренцией, в российских условиях было крайне низким, а также в том, что рыночные механизмы пытались внедрять там, где они непродуктивны. Постепенно российский неоллиберализм стал проявляться преимуще-

¹ Дата обращения: 29.12.2022.

ственно в различных формах менеджеризма или нового государственного управления (*new public management*). Фактически неолиберализм стал распространенной идеологией государственной бюрократии. И здесь очень важно, что Ленина также можно ассоциировать с борьбой с различного рода проявлениями бюрократизма.

Другой проблемой неолиберальной идеологии было то, что она плохо сочеталась с особенностями специфических национальных институтов и культуры. Провозглашая универсальные рецепты для экономического процветания, неолиберализм не привел Россию в лагерь развитых стран. Более того, неолиберальная повестка со временем оставляла для России нерадостные перспективы постепенно становиться обычной страной третьего мира. Поэтому в обществе начал в неявной и даже в отдельных моментах в явной форме формироваться запрос на новую идеологию.

Ленин как символ

В данной статье предлагается парадоксальная, на первый взгляд, идея о том, что в современных условиях исторический образ Ленина может служить важным фактором продвижения нарративов, связанных с необходимостью развития рыночных отношений, предпринимательства, развития образования и науки, и в целом модернизации институциональной и технологической структуры российской экономики. Трудно отрицать, что историческая фигура Ленина неоднозначно воспринимается в научном и общественном дискурсах, но она имеет два важных преимущества: большую узнаваемость и скорее положительные ассоциации с модернизацией российского общества и экономики. Безусловно, в российской истории есть немало исторических деятелей, идеи которых могут рассматриваться в контексте модернизации и развития рыночной экономики, однако очень трудно найти, чтобы одновременно сочетались масштабы личности, идей и осуществляемых преобразований. В российской истории процесс перехода от старого режима царской власти к новому Советскому государству сопровождался беспрецедентными потрясениями. Эти потрясения оказали огромное влияние на развитие модели социального государства во всем мире. Ленин может выступать в этом контексте символом становления социального государства и одновременно понимания, что без хорошо функционирующей рыночной экономики построение модернизационного проекта проблематично.

Использование наследия Ленина важно, прежде всего, для продвижения и акцентирования внимания на важных идеях, имеющих в современных условиях прогрессивный характер. Идеиное наследие В. И. Ленина разнообразно, тем более что он оставил много произведений, которые до сих пор осмысливаются и подвергаются критическому анализу. Также надо учитывать, что прошло уже более ста лет с того времени, когда творил и действовал Ленин. За это время значительно изменились социальные и экономические институты, технологии и сама структура общества. Многие теоретические конструкции и лозунги, которыми пользовались во времена Ленина, в современном мире потеряли свою актуальность. Поэтому, говоря о наследии Ленина, необходимо отделять актуальные и устаревшие идеи и политические паттерны.

Одной из важнейших идей Ленина была идея о модернизации экономики. Эта идея, конечно, была тесно связана с радикальными социальными изменениями, но тем не менее может рассматриваться и самостоятельно. В начале XX в. идеи о модернизации были связаны, прежде всего, с технологическими решениями для транспорта (железные дороги), энергетики (электрификация). Фактически для того времени это были ключевые технологические решения для создания условий, при которых возможно создание механизмов возрастающей отдачи в экономике или, вернее, способствующих изменению баланса между убывающей и возрастающей отдачами. Технологическая модернизация была важна, прежде всего, для промышленности, но также в дальнейшем неизбежно затрагивала сельское хозяйство. Ленин был великим проводником идей модернизации для своего времени. Прогресс, который он связывал с модернизацией экономики, остается актуальной темой и в наши дни. Распространение нарративов, связанных с Лениным, может в современных условиях сыграть значительную роль в продвижении модернизации российского общества и экономики.

Кроме модернизации, безусловной значимостью и важностью обладают идеологические установки, связанные с ускоренным научно-технологическим развитием и задействованием предпринимательской инициативы и рыночных механизмов как жизненно необходимых для современной экономики. Именно идея

технологического прогресса должна быть основной в нарративе относительно идейного наследия Ленина в плане развития экономики.

Наверное, самыми важными свойствами Ленина как политика были прагматизм и адаптивность к меняющейся политико-экономической обстановке. Необходимо помнить, что в короткий временной промежуток (пять лет) Ленин как лидер государства сталкивался с проблемами, которые невозможно было решить, опираясь на прошлый опыт или подобные случаи в государственном управлении и строительстве. Следовательно, в зависимости от складывающейся ситуации он находил решения, которые были необходимы в конкретное время и конкретных исторических условиях.

Вопросы власти и политики не входят в предмет данной статьи. И если кратко, то можно привести тезис о множественности политических порядков, в условиях которых может успешно развиваться современная рыночная инновационная экономика [47]. Именно поэтому либеральная демократия не является единственным порядком для эффективного функционирования рыночной экономики. Например, успехи китайской экономики в плане развития рыночных институтов и роста экономических показателей осуществлялись в условиях политического режима, который лучше всего называть порядком демократического централизма. Термин «порядок демократического централизма» очень хорошо подходит для характеристики китайской политической системы. Очень важно, что сам концепт демократического централизма связан с ленинскими работами [48] и политической деятельностью. Ленинский демократический централизм проводит важную функцию государства – обеспечение политической и экономической устойчивости. Богатый опыт функционирования плановой экономики в социалистических странах показывает, что без работающих рыночных механизмов распределения ресурсов очень затруднено долгосрочное экономическое развитие. Неслучайно, иницируя и осуществляя новую экономическую политику, Ленин говорил о нэпе, что это «всерьез и надолго». Оригинальная фраза Ленина имела продолжение: «...эту политику мы проводим серьезно и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда. Она вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности» [49. С. 311].

В китайской модели рыночных реформ просматривается большое влияние ленинских идей относительно новой экономической политики. У Дж. Ходжсона по этому поводу имеется интересное высказывание: «...есть свидетельства того, что реформы Дэн Сяопина после 1978 г. черпали сильное вдохновение у Ленина. Как и его российский предшественник, Дэн Сяопин привнес рынки и частное предпринимательство в экономику, где до сих пор доминировало государство» [50. С. 17].

В 1921–1922 гг. Ленин не мог знать ни о том, как построить эффективную плановую экономику, ни о том, что в долгосрочном периоде плановая экономика проигрывает по эффективности рыночной. Дискуссии, которые развернулись в экономической науке о возможности или невозможности централизованного планирования, также проводились уже после смерти Ленина.

Опыт современного Китая показывает, что рыночная экономика может успешно развиваться в условиях политической системы демократического централизма при руководящей роли коммунистической партии. Китайские рыночные реформы во многом соответствуют ленинским принципам организации экономики, которые начали проводиться в рамках новой экономической политики.

Как уже отмечалось, подходы Ленина к решению политико-экономических проблем неоднократно менялись за пять лет советской власти, когда он непосредственно осуществлял руководство страной. И многие политические и экономические решения, которые продвигались им, были продиктованы прагматизмом и высокой адаптивностью к меняющейся ситуации в политике и экономике. И переход к новой экономической политике был важным шагом на пути адаптации экономики Советского государства к мирному развитию после Гражданской войны.

Эффективное в плане распространения и восприятия формирование идеологических нарративов исторично и персонифицировано. И здесь очень важно, чтобы исторические фигуры могли ассоциироваться с важными достижениями, связанными с актуальными для сегодняшнего времени идеями. И продвижение таких идей должно способствовать не только развитию экономики, но и улучшению жизни всего населения. В идео-

логическом нарративе важнее концентрировать внимание на достижениях и принципах, способствующих динамичному экономическому развитию.

Роберт Шиллер поставил на седьмое место в своем «каноне» принципов нарративной экономики очень важный в контексте данной статьи тезис: «Экономические нарративы основываются на интересах людей, их идентичности и патриотизме. Интересы, идентичность и патриотизм имеют значение» [7. С. 103]. Исходя из данного тезиса, можно сделать умозаключение о том, что идеологические нарративы, если они связаны с той или иной исторической личностью, должны легко и по возможности не противоречиво восприниматься потенциальной аудиторией. Следовательно, нарратив об исторической личности может основываться на ясных и укорененных в общественном дискурсе фактах.

Относительно исторической фигуры Ленина до сих пор ведется много споров. Отношение к Ленину за последние полвека тоже сильно менялось: от фактического обожествления в советское время до унижительного игнорирования его заслуг и демонизации в период рыночных и демократических реформ. Поэтому вопрос о том, какой настоящий Ленин, является риторическим и не только не требует, но и не имеет удовлетворительного ответа.

В условиях новой реальности именно Ленин может стать исторической фигурой для продвижения нарративов, способствующих экономическому развитию России. Данное утверждение основано, прежде всего, на том, что ленинское наследие по прошествии многих десятилетий сохраняет значительный потенциал для формирования полезных с экономической точки зрения нарративов. И, что еще очень важно, Ленин сохраняет широкую мировую известность как выдающийся исторический деятель. В России образ Ленина также сохраняет широкую известность и в целом благожелательное отношение населения. Согласно данным Фонда «Общественное мнение», опубликованным к его 150-летию юбилею: «Самые частые ассоциации с именем Ленина – “революция, переворот, сменил власть”, “вождь мирового пролетариата”, “октябрюта, комсомольцы, пионеры”, “коммунизм, социализм”, “детство, счастливое детство”. Считают роль Ленина в России положительной 56 % участников опроса, отрицательной – 20 % опрошенных. От возраста оценки почти не зависят» [51].

Положительное отношение к Ленину, как видно из исследования Фонда «Общественное мнение», чаще всего ассоциируется с советским наследием. Однако в новых условиях его имя также можно связать с его прагматической позицией в экономической сфере. Именно решающая роль Ленина в проведении новой экономической политики позволяет говорить о необходимости существования рыночных отношений и предпринимательства для хозяйственного возрождения. Безусловно, к идеям новой экономической политики Ленин пришел не сразу. Он демонстрировал большую адаптивность в проведении политики в зависимости от условий и опыта построения Советского государства.

Демократический централизм, который изобрел и продвигал Ленин, также можно рассматривать как адаптивную стратегию при построении нового государства, руководимого партией нового типа. И опыт Китая показывает, что демократический централизм вполне совместим с рыночной экономикой. У Китая и СССР было очень много общего. И Китай, и СССР – это большие и неоднородные государства, которые сочетают национальное и хозяйственное разнообразие. Для развития таких стран очень важным является фактор их устойчивости, как политической, так и экономической. Добиться такой устойчивости в системе либеральной демократии – задача сложная и почти нигде, кроме стран Запада, не реализованная. Если исходить из множественности политических систем управления, система демократического централизма является одним из альтернативных вариантов политической организации.

В условиях новой реальности в России становится все более распространенным общественный дискурс о необходимости новой идеологии. На роль такой идеологии предлагаются очень разные проекты – от традиционалистских до ультрамодернистских. В данной статье вопрос идеологий рассматривается через призму, способствует ли идеология экономическому развитию или нет. И на примере идей Ленина можно показать, что его наследие вполне совместимо с современным экономическим прогрессом.

Как уже отмечалось, три фундаментальных условия инновационного развития экономики хорошо соотносятся с ленинскими идеями и интеллектуальным наследием. Экономическая и политическая устойчивость

(стабильность) может обеспечиваться социальным порядком, основанным на принципах демократического централизма. И опыт современного Китая и КПК может служить значимой иллюстрацией.

Предпринимательская инициатива, без которой невозможно инновационное развитие экономики, соотносима с идеями позднего Ленина о необходимости новой экономической политики. Безусловно, что для современных технологических инноваций значимо и государственное участие и планирование, однако именно предпринимательская инициатива создает фундамент, на котором и за счет которого могут создаваться и эффективно использоваться технологические новшества.

Механизмы возрастающей отдачи развиваются при выполнении предпосылки об опережающем развитии науки и образования. Также возрастающая отдача связана с непрерывным совершенствованием технологий и их внедрением в различного рода производства. В начале XX в. Ленин связывал экономический прогресс с транспортными технологиями (железнодорожным и трубопроводным транспортом), а также электрификацией. Все эти технологии в то время были основными для развития механизмов возрастающей отдачи.

Ленин как выдающийся исторический деятель ассоциируется со многими идеями и событиями. Однако в плане современных прогрессивных идеологических установок образ Ленина может использоваться как символ, ассоциирующийся с несколькими простыми, но важными для экономического развития тезисами. В нарративе о роли Ленина в экономическом развитии могут органично сочетаться три концепта: модернизации, научно-технологического развития и рыночной экономики.

Какой должна быть новая идеология и на каких принципах она может быть основана? В данной статье мы исходим из понимания экономического прогресса, связанного с функционированием современной инновационной экономики, позволяющей создавать фундамент для роста благосостояния и привлекательной институциональной и инфраструктурной среды для комфортной и безопасной жизни людей. Для того чтобы современная инновационная экономика смогла поступательно развиваться, необходимо одновременное выполнение трех фундаментальных условий: экономической и политической устойчивости, предпринимательской инициативы и возрастающей отдачи. Поэтому идеологические установки должны быть комплементарны этим трем фундаментальным условиям.

Политическая и экономическая устойчивость, как показала история, может обеспечиваться различными социальными механизмами. Что касается идеологии, обеспечивающей такую устойчивость, то она может быть основана на ценностях, которые в ленинской терминологии ассоциируются с демократическим централизмом. Демократический централизм в таком понимании может рассматриваться как одна из множества форм осуществления политической власти. Экономическая устойчивость в таком хозяйственном порядке обеспечивается государственной политикой, предполагающей использование рыночных механизмов для распределения ресурсов в сочетании с элементами индикативного планирования и обеспечения функционирования социального государства.

Предпринимательская инициатива является залогом создания и, что самое главное, использования инноваций в производстве товаров, работ и услуг. Новая экономическая политика, которая ассоциируется с именем Ленина, является хорошим примером, как можно в короткие сроки добиться активизации предпринимательства. Для того чтобы в современных условиях реализовывалась предпринимательская инициатива, необходимо создание рыночной или, шире, экономической инфраструктуры, включая финансовые институты, транспортные и логистические системы, развитый трансакционный сектор.

Возрастающая отдача становится в современной экономике ключевым фактором развития [18]. Запуск механизмов возрастающей отдачи возможен только на базе использования высоких технологий. Важной предпосылкой для того, чтобы могли создаваться технологии и производства с преимущественно возрастающей отдачей, является развитие науки и образования. Что касается ленинского наследия, то здесь очень важными являются его идеи модернизации экономики на основе передовых для того времени технологий (транспортных и электротехнических). Кроме того, важным идеологическим посылом является проведение политики, направленной на повышение образовательного уровня населения и развитие научных институтов.

Несколько заключительных замечаний

Идеи и идеология имеют значение для выработки мер экономической политики потому, что благодаря им формируются причинные убеждения, а также и в связи с тем, что благодаря глубоко укоренившимся идеологическим установкам и паттернам население (электорат) воспринимает происходящее через заданные ими рамки.

В современных условиях «информационного взрыва» влияние и роль идеологий при проведении экономической политики усиливается. Более того, чтобы идеологические изменения воспринимались населением в рамках конкретного социального порядка, они должны соотноситься с историческими нарративами, исторической памятью, а также иметь привязку к выдающимся историческим деятелям. В современных условиях Ленин является лучшим кандидатом на роль выдающегося исторического деятеля, наследие которого хорошо сочетается с действенными в современное время идеями.

Безусловно, в идейном и историческом наследии Ленина есть не только положительные моменты. Но надо помнить, что Ленин жил, творил и действовал во времена радикальных институциональных изменений и у него не было и не могло быть единой и непротиворечивой программы преобразований. И сила ленинского опыта в политико-экономической сфере именно в его адаптивности. Здесь очень уместно обратиться к мнению Дж. М. Кейнса, которое он высказал в своей статье 1925 г.: «Экономическая система Советской России подвергалась и подвергается таким ускоренным изменениям, что получить точный и взвешенный ответ на поставленный вопрос невозможно. Без особого риска здесь применим лишь метод проб и ошибок. Трудно найти более искреннего экспериментатора, чем Ленин, во всем, что не касается основ его мировоззрения» [52. С. 141].

Существует известная формула Коммунистической партии Китая об оценке деятельности и идей Мао Цзэдуна, согласно которой Мао был на 70 процентов прав, а на 30 процентов неправ. По аналогии оценивая наследие Ленина, можно сказать, что он был прав на значительно большее число процентов, чем неправ. Но при продвижении идей, связанных с современными вызовами для экономического развития России, необходимо, прежде всего, концентрироваться на прогрессивных идеях Ленина.

Список литературы

1. Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Нарративы, идеи и институты // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 2. С. 150–168.
2. Вольчик В. В. К вопросу о теории и методологии нарративной экономики // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 31–46. https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_3_31_46
3. Shiller R. J. Narrative Economics. Princeton University Press, 2019. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
4. Тамбовцев В. Л. Идеи и интересы, экономическая политика и институты // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 26–45. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-26-45>
5. Вольчик В. В. Дискурсы о социальных барьерах российской (контр) инновационной системы: реальность или нарратив // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 61–71. <https://doi.org/10.31857/s013216250016089-0>
6. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Москва: Эксмо, 2007.
7. Shiller, R. J. Narrative Economics. Princeton University Press, 2019. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
8. Вольчик В. В. Фундаментальные условия инновационного развития экономики // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2022. Т. 13, № 2. С. 6–21. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021>
9. Hayek F. A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. Routledge, 1988.
10. Hayek F. A. The Road to Serfdom: Text and Documents: The Definitive Edition. Abingdon: Routledge, 2014.
11. Mises L. Economic Calculation in the Socialist Commonwealth. Morrisville: Lulu Press, Inc., 2016.
12. Ротбард М. Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2010.
13. Neoliberal Reforms in Higher Education and the Import of Institutions / R. Nureev, V. Volchik, W. Strielkowski // Social Sciences. 2020. Vol. 9, № 5. P. 79. <https://doi.org/10.3390/socsci9050079>
14. Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы. Москва: АСТ, 2021.
15. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгайт. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2011.

16. Конституция КНР (в редакции 2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 13.01.2023).
17. Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 13.01.2023).
18. Вольчик В. В. Возрастающая отдача и российская инновационная система // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 4. С. 88–116. <https://doi.org/10.19181/smt.2022.4.4.6>
19. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
20. Радаев В. В. Экономическая социология: учебное пособие для вузов. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005.
21. Shiller R. J. Narrative Economics // American Economic Review. 2017. Vol. 107, № 4. Pp. 967–1004. <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>
22. Akerlof G. A., Shiller R. J. Bread and bullets // Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. № 126. Pp. 58–71. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
23. Акерлоф Д., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2011.
24. Докинз Р. Эгоистичный ген. Москва: АСТ, Corpus, 2013.
25. Roy D. Myths about memes // Journal of Bioeconomics. 2017, 19 May. <https://doi.org/10.1007/s10818-017-9250-2>
26. Деннет Д. К. Разум от начала до конца. Москва: Эксмо, 2021.
27. Тамбовцев В. Л. Идеи, нарративы и изменения в экономике // Terra Economicus. 2019. Т. 17, № 1. С. 24–40.
28. Simon H. A. Rationality as process and as product of thought // The American Economic Review. 1978. Vol. 68, № 2. Pp. 1–16.
29. Williamson O. E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. Free Press, 1985.
30. Activity during learning and the nonlinear differentiation of experience / Y. I. Alexandrov, A. K. Krylov, K. R. Arutyunova // Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences. 2017. Vol. 21, № 4. Pp. 391–406.
31. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995.
32. Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 3–13.
33. Friedman M. The Methodology of Positive Economics // Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953. Pp. 3–43.
34. Schmidt V. A. 2 Reconciling Ideas and Institutions through Discursive Institutionalism // Ideas and Politics in Social Science Research. 2010. <https://doi.org/10.1093/ACPROF/OSO/9780199736430.003.0003>
35. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. Москва: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010.
36. Edelman G. M., Tonini G. Consciousness: How Matter Becomes Imagination. London: Penguin Books, 2001.
37. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // The American Economic Review. 1985. Vol. 75, № 2. Pp. 332–337.
38. Arthur W. B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-in by Historical Events // The Economic Journal. 1989. Vol. 99, № 394. Pp. 116–131.
39. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2. С. 3–20.
40. Балацкий Е. В. Функциональные свойства институциональных ловушек // Экономика и математические методы. 2002. Т. 38, № 3. С. 54–72.
41. Балацкий Е. В. «Институциональная ловушка»: научный термин и красивая метафора // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. Т. 12, № 3. С. 24–41.
42. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. 1999. № 11. С. 216–227.
43. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2022.
44. Lovink G. On the Social Media Ideology // E-flux. 2016. September.
45. Капелюшников Р. Приключения «неолиберализма» // ЛОГОС. 2022. Т. 32, № 4. С. 1–50. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-4-1-49>
46. Graeber D. The utopia of rules: on technology, stupidity, and the secret joys of bureaucracy. New York: Melville House Books, 2015.
47. Балацкий Е. В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 6. С. 52–78. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.3>
48. Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений в 55 т. 5-е изд. Т. 33. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1969.

49. Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов // Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 44. 5-е изд. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1970.

50. Hodgson G. M. Is socialism feasible?: Towards an alternative future. Edward Elgar Publishing, 2019.

51. 150-летие Ленина. О роли Ленина. Отношение к предложениям убрать памятники Ленину с площадей и скверов // Фонд «Общественное мнение». 22 апреля 2020. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14381> (дата обращения: 13.01.2023).

52. Кейнс Д. Беглый взгляд на Россию // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 137–145.

References

1. Volchik, V. V., & Maslyukova, E. V. (2018). Narratives, ideas and institutions. *Terra Economicus*, 16(2), 150–168. (In Russ.).
2. Volchik, V. V. (2022). To the Issue of the Theory and Methodology of Narrative Economics. *Theoretical Economics*, 3, 31–46. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_3_31_46
3. Shiller, R. J. (2019). *Narrative Economics*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
4. Tambovtsev, V. L. (2019). Ideas and interests, economic policy and institutions. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 26–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-26-45>
5. Volchik, V. V. (2021). Discourses on Social Barriers to Developing Russian (Contra)Innovation System: Reality or Narrative? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 10, 61–71. (In Russ.).
6. Keynes, J. M. (2007). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
7. Shiller, R. J. (2019). *Narrative Economics*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf0jm5>
8. Volchik, V. V. (2022). Fundamental Conditions for Innovative Development of the Economy. *Journal of Economic Regulation*, 13(2), 6–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021>
9. Hayek, F. A. (1988). *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. Routledge.
10. Hayek, F. A. (2014). *The Road to Serfdom: Text and Documents: The Definitive Edition*. Abingdon: Routledge.
11. Mises, L. (2016). *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth*. Morrisville: Lulu Press, Inc.
12. Rothbard, M. (2010). *Power and Market: Government and the Economy*. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
13. Nureev, R., Volchik, V., & Strielkowski, W. (2020). Neoliberal Reforms in Higher Education and the Import of Institutions. *Social Sciences*, 9(5), 79. <https://doi.org/10.3390/socsci9050079>
14. Acemoglu, D., Robinson, D. A. (2021). *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. Moscow: AST Publ. (In Russ.).
15. North, D., Wallis, D., Weingast, B. (2011). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russ.).
16. *Constitution of the PRC* (in 2018 edition). (In Russ.). https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/
17. Xi Jinping. *Report at the 20th All-China Assembly of the Communist Party of China on October 16, 2022*. (In Russ.). https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html
18. Volchik, V. V. (2022). Increasing return and Russian innovation system. *Science Management: Theory and Practice*, 4(4), 88–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/smtpr.2022.4.4.6>
19. North, D. (1997). *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi “Nachala”. (In Russ.).
20. Radaev, V. V. (2005). *Economic sociology: university tutorial*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
21. Shiller, R. J. (2017). Narrative Economics. *American Economic Review*, 107(4), 967–1004. <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>
22. Akerlof, G. A., & Snower, D. J. (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
23. Akerlof, G., Shiller, R. (2011). *Spiritus Animalis: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Moscow: Alpina Business Books. (In Russ.).
24. Dawkins, R. (2013). *The Selfish Gene*. Moscow: ACT, Corpus Publ. (In Russ.).
25. Roy, D. (2017). Myths about Memes. *Journal of Bioeconomics*, 19 May. <https://doi.org/10.1007/s10818-017-9250-2>
26. Dennett, D. C. (2021). *Mind from the beginning to the end*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.).
27. Tambovtsev, V. L. (2019). Ideas, narratives and economic change. *Terra Economicus*, 17(1), 24–40. (In Russ.).
28. Simon, H. A. (1978). Rationality as Process and as Product of Thought. *The American Economic Review*, 68(2), 1–16.
29. Williamson, O. E. (1985). *The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting*. Free Press.

30. Alexandrov, Y. I., Krylov, A. K., & Arutyunova, K. R. (2017). Activity during Learning and the Nonlinear Differentiation of Experience. *Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences*, 21(4), 391–406.
31. Berger, P., Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium Publ. (In Russ.).
32. Aleksandrov, Yu. I., & Kirdina, S. G. (2012). Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 8, 3–13. (In Russ.).
33. Friedman, M. (1953). The Methodology of Positive Economics. In M. Friedman. *Essays in Positive Economics* (pp. 3–43). Chicago: University of Chicago Press.
34. Schmidt, V. A. (2010). 2 Reconciling Ideas and Institutions through Discursive Institutionalism. *Ideas and Politics in Social Science Research*. <https://doi.org/10.1093/ACPROF/OSO/9780199736430.003.0003>
35. North, D. (2010). *Understanding the process of economic change*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
36. Edelman, G. M., & Tonini, G. (2001). *Consciousness: How Matter Becomes Imagination*. London: Penguin Books.
37. David, P. A. (1985). Clio and the Economics of QWERTY. *The American Economic Review*, 75(2), 332–337.
38. Arthur, W. B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events. *The Economic Journal*, 99(394), 116–131.
39. Polterovich, V. M. (1999). Institutional Traps and Economic Reforms. *Economics and Mathematical Methods*, 35(2), 3–20. (In Russ.).
40. Balatsky, E. V. (2002). Functional Properties of Institutional Traps. *Economics and Mathematical Methods*, 38(3), 54–72. (In Russ.).
41. Balatsky, E. V. (2020). “Institutional trap”: a scientific term and a beautiful metaphor. *Journal of Institutional Studies*, 12(3), 24–41. (In Russ.).
42. Epstein, M. (1999). Information outburst and trauma of postmodernism. *Zvezda*, 11, 216–227. (In Russ.).
43. Zuboff, S. (2022). *Epoch of surveillance capitalism: Fight for a human future at the new boundaries of power*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russ.).
44. Lovink, G. (2016). On the Social Media Ideology. *E-flux*, September.
45. Kapelyushnikov, R. (2022). Adventures of “Neoliberalism”. *LOGOS*, 32(4), 1–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-4-1-49>
46. Graeber, D. (2015). *The utopia of rules: on technology, stupidity, and the secret joys of bureaucracy*. New York: Melville House Books.
47. Balatsky, E. V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: the hybrid war of civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 52–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.3>
48. Lenin, V. I. (1969). State and revolution. *Complete collection of works in 55 vol.*, 33 (5th ed.). Moscow: State Publishing House for Political Literature. (In Russ.).
49. Lenin, V. I. (1970). The 9th All-Russia Assembly of Soviets. *Complete collection of works in 55 vol.*, 44 (5th ed.). Moscow: State Publishing House for Political Literature. (In Russ.).
50. Hodgson, G. M. (2019). *Is Socialism Feasible?: Towards an Alternative Future*. Edward Elgar Publishing.
51. The 150th anniversary of Lenin. On the role of Lenin. Attitude to proposals to remove monuments to Lenin from squares and parks (2020, April 22). *Fond “Obshchestvennoe mnenie”*. (In Russ.). <https://fom.ru/Proshloe/14381>
52. Keynes, J. (1991). Short View on Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 7, 137–145. (In Russ.).

Конфликт интересов: автор является членом редколлегии журнала *Russian Journal of Economics and Law*. Статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Conflict of Interest: the author is a member of the Editorial Board of the *Russian Journal of Economics and Law*. The article has been reviewed on the usual terms.

Дата поступления / Received 19.01.2023
Дата принятия в печать / Accepted 27.02.2023